

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ДЕТСКИЕ ДОМА И ИНТЕРНАТЫ УДМУРТСКОЙ АССР В 1941–1945 гг.

Освещается проблема изменения воспитания и образования в детских домах и интернатах в военные годы на территории УАССР. Рассматриваются образцовые учреждения. Исследуются недочеты в работе детских домов и интернатов. Автор приходит к выводу, что сложившаяся ситуация в области воспитания и образования в республике была характерна и для других областей и республик страны.

Ключевые слова: коммунистическое воспитание, школьное обучение, детское самоуправление, внешкольная работа.

За годы Великой Отечественной войны на территорию Удмуртской АССР в порядке эвакуации прибыли дети из Мурманской, Калининградской, Курской, Смоленской, Ярославской областей, Белоруссии, Литвы, городов Москвы и Ленинграда. Они эвакуировались индивидуально или коллективно. К 23 декабря 1942 г. для 2339 эвакуированных ребятишек были специально организованы девятнадцать детских домов и интернатов (данное количество учреждений еще в течение трех лет оставалось неизменным). Педагогические коллективы интернатов заменяли детям родителей, а сверстники – братьев и сестер. В эти годы (впрочем, как и в довоенные), существовала проблема нехватки педагогических кадров (при таких условиях проводить качественную работу было сложно). К примеру, в Кыйлудском интернате восемьдесят семь детей воспитывало лишь три педагога [8, л. 140, 141]. Учитывая подобные факты, республиканский отдел народного образования старался уделять больше внимания вопросу подготовки учителей. Кроме того, СНК РСФСР возложил на НКП РСФСР обязательства по улучшению работы эвакуированных детских учреждений [31, л. 63]. Несмотря на опубликованное постановление (от 24 марта 1942 г.), даже к концу года проблема в республике не была устранена. В детдомах и интернатах не хватало пятнадцать воспитателей, а одиннадцать человек требовалось заменить квалифицированными кадрами. Несмотря на все сложности, выход был найден. На должность заведующих учреждений приглашали директоров школ, а опытных учителей переводили на места воспитателей [17, л. 108]. Проблема возникла от того, что учебные заведения выпускали небольшое количество педагогических кадров, мужчины уходили на фронт, а воспитательная работа оставалась низкооплачиваемой и соответственно маловостребованной [1, с. 2].

Нужно признать, что среди воспитателей были энтузиасты своего дела. Например, энергичный педагогический коллектив Каракулинского интерна-

---

* © Ложкина И.А., 2009

Ложкина Ирина Александровна – кафедра археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета

та, которым все военное и послевоенное время руководил С.М. Певзнер (будучи начальником детского лагеря, на прифронтовой территории в первый же день войны смог организовывать эвакуацию двухсот польских, литовских и еврейских детей). Хотя встречались и безответственные педагоги, деятельность которых привела к развалу работы детских учреждений и снижению школьной успеваемости учеников (к примеру, директор Шарканского детского дома). Ситуация в этом учреждении изменилась после отстранения от занимаемой должности директора и перевода детей в только что открывшийся Дебесский детдом. Если раньше в Шарканском детском доме часто были замечены драки между ребятами разных национальностей (литовцами и евреями) и нецензурная лексика среди них, то уже в Дебесах были созданы предпосылки для возникновения настоящей дружбы между подростками [32, л. 53–56 об].

С момента эвакуации детские интернаты и дома должны были перестраивать школьную работу. Не все из них с первых дней справились с поставленной задачей. Этому мешал, в том числе, неустановленный контакт в работе между школой и интернатом (как было в Кыйлудском школьном и Нылгинском дошкольном интернатах). Зато в Каракулинском интернате с первого дня переезда была установлена тесная связь с районным отделом народного образования. Очевидно, поэтому удалось решить за короткий промежуток времени вопрос доукомплектования классов Каракулинской средней школы эвакуированными учениками [2, с. 191]. Школы соблюдали закон от 1939 г. «О всеобуче». В целом в школах Удмуртской АССР всеобуч проводился успешно. Уже в 1941/42 учебном году ученики интернатов добились 84,5 % успеваемости, а воспитанники детских домов (в том числе и местных) 93,8 % [12, л. 20; 16, л. 152; 22, л. 121]. Как известно, на хорошие результаты детей в учебе влиял комплекс условий: качество преподавания предметов, уровень образованности учителей и самих воспитанников, обеспеченность учебными и письменными принадлежностями и внешние факторы (освещение, тепло и наличие необходимого количества учебных классов). Главным «тормозом» в обучении детей, как правило, было отсутствие или недостаток учебных принадлежностей. Это и понятно, в обстановке военного времени большинство предприятий местной промышленности совершенно прекратили изготовление учебного оборудования. Поэтому с 1944 г. в мастерских Нижне-Зятцинского, Ново-Мултанского и Можгинского детских домов воспитанники начали производить для себя ручки и линейки [8, л. 165; 30, л. 104а]. Особенно остро был поставлен вопрос снабжения детских учреждений учебниками на иностранном языке [33, л. 22, 23]. Польские дети из-за их отсутствия были вынуждены конспектировать лекции на уроках. Учителя в свою очередь ежедневно придумывали тексты для чтения и разбора, изучая материал в библиотеке педучилища [3, с. 67]. Через некоторое время обучение стало проводиться только на русском языке. Для того чтобы быстрее изучить грамматику и лексику незнакомого языка, педагоги проводили с ребятами дополнительную работу (индивидуальную и коллективную), а после занятий в интернате дети старались разговаривать исключительно на русском языке. Несмотря на все препятствия, успеваемость в классах оставалась высокой, многие из учащихся добились высоких показателей (только за 1941/42 учеб-

ный год вышло пятнадцать отличников) [13, л. 41 об, 42 об]. В отличие от поляков, литовцы в Дебесском детдоме обучались на родном языке. Для них уже с 1941 г. было организовано пять индивидуальных классов, а в начале 1943 г. была открыта литовская неполная средняя школа [14, л. 91]. Все в комплексе, в том числе и стремление хорошо учиться, повлияло на высокую успеваемость учеников. Не случайно в сороковые годы Каракулинский интернат и Дебесский детдом были представлены как образцовые. Качественная работа семи лучших директоров (в том числе и этих двух учреждений) была отмечена СНК УАССР в апреле 1945 г. (им были вручены денежные премии) [29, л. 36].

Еще с 1920-х гг. государственные документы партии и правительства были направлены на то, чтобы превратить советские детские учреждения в важнейшую составную часть строительства нового общества. Безусловно, воспитанию придавался ярко выраженный политический характер. Коммунистическое воспитание в 1940-х гг. было построено на тех же принципах: труд, атеизм, воспитание коммунистической морали, воли и характера, а также советского патриотизма и веры в победу советского государства в борьбе с немецкой агрессией. Огромная роль отводилась воспитанию сознательной дисциплины и коллективизма. Коллективная жизнь детей в учреждении определялась формами детского самоуправления, участием комсомольских и пионерских организаций в общественно-культурной и хозяйственной жизни страны. Детские коммунистические организации были проводником политического влияния на общую массу воспитанников. Пионеры и комсомольцы оставались примером подражания для всех детей в учебе и дисциплине [5, л. 6; 6, л. 21; 10, л. 141; 24, л. 92 об, 212 об, 213 об]. Работа детских общественных организаций в детдомах и интернатах вводилась постепенно. Даже в дисциплинированном Каракулинском интернате к ноябрю 1941 г. еще не был образован ни детский совет, ни пионерская организация (дети были эвакуированы в республику в июле 1941 г.). Они были созданы в следующем году. Тогда в пионеры было принято сто двадцать четыре ребенка, а в комсомольцы шесть человек [9, л. 57; 28, л. 32, 42].

Трудовое обучение являлось неотъемлемой и важной частью всей учебно-воспитательной работы детских учреждений. Воспитанники 7–11 лет получали элементарные трудовые навыки, а подростки 12–14 лет изучали предметы и приобретали практику, необходимую для будущих профессий [27, л. 70, 72]. Привитие трудовых навыков происходило на собственном приусадебном хозяйстве, на полях колхозов, совхозов и в мастерских (столярных, слесарных, кузнечных, сапожных и плетения). В 1942 г. постановлением НКП РСФСР было предписано развивать профессионально-трудовую подготовку детей старше 12 лет на подсобном хозяйстве (обязательно в тех учреждениях, где не было организовано обучение в мастерских). Каждый подросток был ознакомлен с программами [10, л. 113; 15, л. 37; 20, л. 2]. Оказывая посильную помощь колхозам и совхозам, дети за свою работу получали оплату. Очень часто средства переводились в фонд обороны страны. Так, заработанные 1500 рублей подростки Каракулинского интерната летом 1942 г. передали государству. Кроме этого, они отправили подарки бойцам и командирам Советской армии. Воспитанники Алнашского детдома поддержали бойцов двумя посылками [13, л. 43, 44; 28, л. 94].

На развитие подсобных хозяйств государство выделило для республики 100 000 рублей. Большинство детских домов, имея подсобные хозяйства, смогли обеспечить себя полностью или частично овощами и картофелем [19, л. 55; 23, л. 12; 26, л. 31об, 34]. Так, летом 1943 г. на участке Алнашского детского дома был снят отличный урожай (52 т овощей и около 10 т зерновых). В итоге дети были обеспечены овощами в 5 раз больше, чем учреждению было отпущено по нарядам республиканскими организациями [12, л. 48, 110; 21, л. 3; 23, л. 77].

Производственную работу в мастерских пытались организовать еще с конца 1941 г., но это был сложный процесс, который требовал огромных затрат. В 1941 г. работало 13 мастерских кустарного производства в восьми детских домах. Все мастерские (за исключением Шарканского детдома) были размещены в тесных, низких, недостаточно светлых помещениях, они не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям. Зачастую в них вовремя или вообще не поступали материалы и сырье для работы [11, л. 1, 111; 12, л. 48, 122]. К 1944 г. количество мастерских увеличилась до 28 (в них трудилось 702 воспитанника). В мастерских ученики изготавливали продукцию для собственного потребления, на рынок или выполняли заказы местного населения [25, л. 139; 30, л. 107].

Подводя итог, можно отметить, что при воспитании детей в детских домах и интернатах возникали определенные трудности, связанные с особенностью военного времени. Текущая и нехватка педагогических кадров, низкая общеобразовательная подготовка некоторых из них, многосменность занятий не только в городских, но и в сельских школах при весьма плохом освещении, недостаток, а порой и отсутствие учебников и школьно-письменных принадлежностей – все это не могло не ограничивать возможностей школы в борьбе за высокие, качественные показатели работы. В отчетах было отмечено, что к середине 1942 г. работа, проводимая в детских домах РСФСР, практически полностью не отвечала требованиям войны. Многие из руководителей детдомов первоначально не справлялись с обязанностями (в том числе директора передовых – Каракулинского интерната и Алнашского детдома). В силу своей занятости, они не уделяли должного внимания воспитательной работе, увлекшись решением хозяйственных вопросов. Несомненно, успешная работа в детдомах и интернатах зависела от осведомленности НКП УАССР о действительном положении дел и принятии конкретных мер. Хотя и здесь были недочеты, к примеру, первые военные годы проверка работы детдомов инспекторами НКП и сотрудниками управления детдомов сводилась к формальному обследованию и зависела от текущей работы. Отделы народного образования уделяли недостаточно внимания эвакуированным детдомам и интернатам (к примеру, Дебесский, Камбарский и Красногорский полностью не обеспечили детей учебниками в первый учебный год войны) [7, л. 20; 8, л. 144; 12, л. 109а, 130, 131; 16, л. 219; 18, л. 16; 23, л. 30]. Несмотря на все перипетии, советские, партийные и административные органы ежегодно старались устранить в своей работе недочеты. Было сложно, но работали. Из воспоминаний комиссара просвещения УАССР Е.А. Никифоровой: «Всех детей нужно было накормить, обуть, обучить. Трудно словами высказать, сколько людей не спало целыми ночами, сколько хлопотало, пока решали эти вопросы. Ведь всего не хватало – и одежды, и пищи, и обуви» [4].

Библиографический список

1. Детдом военного времени // Звезда. 1995. № 14.
2. Дети из Литвы в Удмуртию // Архивы Урала. 1996. № 1.
3. Каросене М. Ничто не забыто // Сестры. Рассказ о дружбе, проверенной временем / под ред. З.Н. Ивановой. Ижевск, 1975.
4. Норкавичус Ю. Память сердца – Дебесы // Удмуртская правда. 1985. 15 декабря.
5. ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р–174. Оп. 1. Д. 155.
6. ЦГА УР. Ф. Р–174. Оп. 1. Д. 253.
7. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1096.
8. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1419.
9. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1423.
10. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1444.
11. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1448.
12. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1453..
13. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1454.
14. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1467.
15. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1561.
16. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1564.
17. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1579.
18. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1580.
19. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1585.
20. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1587.
21. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1652.
22. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1684.
23. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1713.
24. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1721.
25. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1739.
26. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1740.
27. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1790.
28. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1796.
29. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1903.
30. ЦГА УР. Ф. Р–738. Оп. 1. Д. 1947.
31. ЦГА УР. Ф. Р–755. Оп. 1. Д. 57.
32. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3589.
33. ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3823.

Список сокращений

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
НКП – Народный комиссариат просвещения
СНК – Совет Народных Комиссаров
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
УАССР – Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика

Lozhkina I.A.

**THE EVACUATED CHILDREN'S HOMES AND BOARDING SCHOOLS
OF UASSR IN 1941 1945**

The problem of change of upbringing and education in children's homes and boarding schools in military years on the territory of UASSR is the subject of consideration. Model institutions are viewed. Weak points in the work of children's homes and boarding schools are investigated. The author comes to conclusion, that the developed situation in the field of upbringing and education in the republic was typical for other areas and republics of the country.

Key words: communistic education, school training, children's self-government, out-of-school work.